

тории могло функционировать до 2 000 поселений, хотя из письменных источников нам известны названия только 40 из них. На один город приходилось от 8 до 65 сельских поселений, в зависимости от положения города относительно центра княжества и степени освоенности территории. Эти сведения также важны для реконструкции ономастического пространства региона.

6. Не менее важными представляются и результаты использования ареального метода. В районе Средней Оки нами выявлены и описаны около 40 ареалов субстратной топонимии (типы на *-ур, -ор, -ус, -ля, -ерга, -лей, -ляй, -ша, -да, -ва, -ца* и др.), а также разнообразные ареалы древнерусской топонимии. Все они представлены на специальных картах.

7. Изучение ранних источников и применение комплекса приемов и методов позволяют восстановить архаичный фонд ономастической и апеллятивной лексики, топонимов, формантов, моделей; описать основные процессы и явления, связанные с именами собственными; выделить основные этапы развития региональной ономастики.

В совокупности эти данные позволяют реконструировать (в той или иной степени) ономастическую картину региона, которая может стать частью восстанавливаемой историко-культурной картины России.

А. И. Грищенко 
Москва

Ономастический статус этнонимов в свете антропологической концепции имени собственного

Оставляя за скобками все существующие ныне концепции имени собственного, следует признать, что в определении ономастического статуса этнонимов они практически бесполезны, поскольку традиционно этнонимия если не выводится совершенно за границы ономастического пространства, то по умолчанию мыслится на его периферии. В центре же всегда оказываются антропонимы и топонимы, что кажется естественным, но не осмысляется с пользой для ономастической теории.

В традициях господствовавшей в позднесоветский период в отечественном языкознании ономастической школы было принято включать в число имен собственных длинный список весьма экзотических разрядов онимов: некронимы, анемонимы, синагонимы и прочие хрематонимы. Этнонимов среди них нет, ибо в рамках данного ономастического направления им полностью отказано в ономастическом статусе, каковой у них признавался ранее (например, В. А. Никоновым, особой точки зрения придерживались А. А. Белецкий, А. С. Стрижак, в последнее время – О. Бушс, Р. А. Агеева).

Обязательность имен собственных в любом языке, как известно, является языковой универсалией. Еще в 1962 г. В. Н. Топоров настаивал на том, что «нет

такого человеческого общества, в котором отсутствовали бы СИ. Это обстоятельство дает основание считать их наличие неотъемлемой характеристикой человеческих коллективов в отличие от животных коллективов». О собственном имени, «в котором находит ярчайшее выражение человеческая “самость”, закрепляется формирование человеческой личности, развитие личного самосознания», писал А. К. Матвеев.

От признания общечеловечности имени собственного сделаем еще один шаг – и постулируем: любое имя собственное антропоцентрично, т. е. не просто индивидуализирует объект, но очеловечивает его, поскольку имя собственное принадлежит человеку прежде всего. Неслучайно именно антропонимия – ядро ономастической системы любого языка. Более того, все иные разряды имен собственных суть подобия антропонимов. Нет и не может быть человека без имени, но существуют безымянные горы, реки, озера и даже населенные пункты (но только такие, откуда ушли люди, т. е. «обесчеловеченные» городища и селища). Географический объект получает собственное имя только от человека.

Имя собственное – в большей мере социальный знак, чем иные знаки языка, но социальность его не самодовлеющая, а зависит от личности конкретного человека и конкретной совокупности человеческих личностей. Имя собственное может возникнуть и вне общества, например, в речевой деятельности отшельника, живущего не среди людей, а среди неодушевленных вещей и безъязыких животных, – именно им он будет давать собственные имена.

Наделив вещь собственным именем, человек вступает с ней в диалог как с равным себе субъектом, поскольку у нее, как у человека, уже есть собственное имя.

Выводя имя собственное за пределы антропологии, как бы «расширяя» ономастическое пространство за счет любых географических объектов (а не только созданных человеческими руками), вплоть до космических тел, многие ономасты легко убеждают себя в том, что эти объекты суть объекты сами по себе, а не объекты человеческого познания. Отделение горного хребта от равнины – плод умственной деятельности человека, тогда как в реальности границы между ними нет: горный хребет – это продолжение равнины. Можно ли сказать, что оронимика как раздел топонимики находится вне антропологического контекста? Еще более абсурдно выводить за пределы антропологии основной разряд космонимов – названия созвездий, которые, как известно, суть не что иное, как участки воображаемой сферы, на которую проецируются световые вспышки – звезды, коих уже может и не быть в реальности. Однако, несмотря на достижения современной астрономии, никто не отказывается от удобного с точки зрения землянина мысленного конструкта – «небесной сферы».

В той же мере, в какой совокупности людей, понимаемые как «народы», подобны отдельным личностям, – подобны антропонимам и этнонимы.

Если у народа нет собственного имени, понимаемого как собственное имя, то это не народ, а некая другая совокупность людей (если условимся понимать как «народ» общности от племени до нации, т. е. любое объединение людей, нуждающееся в единстве происхождения – кровного ли, культурного или государственного). Если племя или народ не мыслит себя в качестве отдельного племени или народа,

заслуживающего собственного имени, то для него нет племен и народов вообще, нет и этнонимов вообще. На этой стадии социального развития не имеет смысла использовать сами термины *племя, народ*, тем более говорить о каких-то этнических обозначениях. Оппозиция «мы – они», «свои – чужие» (по О. Н. Трубачеву) – первый и решительный шаг к появлению этнонима. «Мы» и «они», «свои» и «чужие» – это уже первые этнонимы.

А. Гудавичюс
Шяуляй (Литва)

Природа в системе литовских личных имен

В антропонимических системах языков отражается история и культура народа, миропонимание и ценностные ориентации. Поэтому изучение этого пласта лексики языка должно занимать важное место в этнолингвистике, одно из направлений которой ставит целью раскрытие образа народа в языке. С другой стороны, изучение личных имен имеет и важное практическое значение: знание тенденций развития системы личных имен способствует сознательному и научно обоснованному влиянию на эти процессы как части языковой политики. Практическая значимость изучения личных имен обусловлена тем, что при выборе имени явно сталкиваются две тенденции – сохранение традиции и стремление к новшествам. Критерии выбора имени, связь имени с апеллятивом являются очень сильным показателем predispositions общества, особенно в эпохи его бурного развития, межкультурных контактов, социальных сдвигов и т. д.

Стимулом для нашего небольшого исследования стало появление в последние десятилетия новых литовских «природных» имен и частое использование уже ранее существовавших. Можно ли считать эту тенденцию показателем проявления тесной связи литовского менталитета с природой? Материалом послужили списки имен, зарегистрированных в Шяуляйском ЗАГСе в период 1999–2011 гг., База данных личных имен граждан Литовской Республики с 1898 по 2010 гг., созданная сотрудниками Государственной комиссии по литовскому языку и помещенная в Интернете [<http://vardai.vlkk.lt/>], и Словарь происхождения литовских имен [Kuzavinis, Savukynas]. В Базе личных имен зафиксировано 82 746 имен, которые охватывают более чем 3,5 млн граждан. Конечно, не все из этих имен являются литовскими и принадлежат литовцам.

В антропонимических системах языков можно найти несколько пластов личных имен, отражающих историю и культуру народа. В литовской антропонимии обычно различают четыре слоя: 1) древние литовские (балтийские) имена (*Vytautas* < *vyd-* + *taut-* ‘видящий народ’, *Daumantas* < *dau-* из *daug-* + *mant-* ‘много умеющий’, 2) календарные христианские (*Petras* < греч. *Petrus*, *Emilija* < лат. *Aemilia*), 3) новые литовские (*Aušra*, *Aistis*) и 4) новые заимствованные имена (*Astrida*, *Žaneta*).